

ТАБЕЛ СМОЛИН

ВАН ВАН
ИЗ ЧАЙНЫ

Павел Смолин
Ван Ван из Чайны 5

«Автор»

2026

Смолин П.

Ван Ван из Чайны 5 / П. Смолин — «Автор», 2026

Спокойная жизнь бывшего теннисиста и действующего тренера Ивана разбилась о лося. Неведомым силам было угодно передать его память и опыт китайскому пареньку в сонной китайской деревеньке. Первые семейные проблемы, страшный китайский экзамен ГаоКао и первые турниры остались позади, а впереди - новые испытания, знакомства и сложнейшие матчи.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Смолин

Ван Ван из Чайны 5

Глава 1

На Пхукете было жарко, и жар этот отличался от моего любимого Хайнаня – воздух сухой, поэтому температура лично мной ощущается менее комфортно. Друг Ли со мной не согласен – у него наоборот организм работает, и на Хайнане ему душновато.

Сравнивал я с Хайнанем и другие аспекты всемирно любимого курорта. Не понимаю тех, кто едет сюда с детьми – как не избегай «ночной жизни» и не пытайся игнорировать инфраструктуру «секс-туризма», все равно не получится: больно ее много, и в многочисленных барах рядом с отелями всегда сидит некоторое количество проституток обоих полов (что мерзко), причем угадать пол порой не получается – это еще более мерзко, потому что люди себя калечат. Да, жизнь сложна, деревни Королевства живут в страшной нищете, но вставлять себе силиконовые импланты и идти торговать тем самым... Ай, к черту, даже думать об этом не хочу. А еще здесь однажды легализуют наркотик марихуану, и тогда детям время от времени придется не только взирать на проституток, но и пассивно дышать гадостью – наркоши стесняться и прятаться не будут.

Благо живем мы не в отеле в наполненном туристами районе, а на вилле старшего Хуэя в небольшом, охраняемом от туристов поселке для местных богачей. Кое с кем успел познакомиться, и даже поиграть в парный теннис, заработав «соточку» тыщ долларов. Лишними не будут, а еще это помогло Личжи позитивно завершить какие-то долгие и нудные бизнес-переговоры. Я помню добро, и стараюсь отвечать тем же.

Еще меня не порадовала местная инфраструктура обыкновенного толка: даже на жутко популярном и генерирующем многомиллиардные доходы Пхукете хорошие дороги можно встретить только в прибрежных, самых загруженных дорогах и на пути к аэропорту. Тротуары вообще в ужасающем состоянии – возможно, умышленно, чтобы основной здешний транспорт в виде мопедов не ездил по ним, объезжая пробки.

В общем, вывод я сделал простой – «пилят» в Королевстве Таиланд как не в себя, забывая на все, что напрямую не связано с выкачкой денег из туристов. «Пилят» и у нас, но с негласным, давным-давно сложившимся лимитом в десять процентов. Больше – уже наглость, позволить себе которую могут сильно немногие.

Зато мне очень нравилась причина, по которой меня сюда занесло – лучший друг сегодня женится на Догбуа Бинси. Тоже воспользовались возможностью «сочетаться» в другой юрисдикции, а мне остается только по-доброму завидовать.

Свадьба традиционная, в тайском стиле, и, почитав о ней, чтобы не ударить в грязь лицом во время церемонии, я удивлением обнаружил большое сходство в традиционной русской свадьбой. Что ж, ничего такого в этом нет – просто люди во всем мире изрядно друг на дружку похожи, давно общаются с соседями по карте, и от этого пересечений культур можно отыскать великое множество.

Наряженный в белый тайский этнический костюм Ли на контрасте с обычным его видом смотрелся уморительно, но я не стал ему об этом говорить: и так сильно нервничает. Зато нарядившийся в настолько же белый, но несколько другого кроя костюм Личжи доволен как слон: организованный «династический брак» подошел к своему воплощению в реальность. Ну и просто рад, как и всякий женящий сына на хорошей девушке отец.

Катя со мной не полетела, потому что недалеко тот пугающий день, когда начнется сессия. Я и так много отрывал девушку от занятий. Нет, хорошие оценки ей будут «рисовать» даже

если я совсем заберу ее из Цинхуа, но сама Катя на такое ни за что не согласится: есть такое человеческое качество как «честность», и оно у Катюшки развито гораздо лучше, чем у меня, вот и корпит над учебниками. Ни пуха, как говорится!

Зато Фэй Го, Канг Лао, тренер Ло и мой падаван, который неплохо сдружился с Ли и выщипал у него право пользоваться нашей отвечающей за Интернет студией. Китайский аналог ИПшки зарегистрирован как положено, на «зицпредседателя», и у нас уже достаточно мощностей, чтобы закрывать не только мои, моих сестреночек и Яна медийные потребности, но и брать заказы. Клиентов выбираем (я в этом не участвую конечно, но сопричастность чувствую) придирчиво, берем жутко дорого, но мое имя в портфолио студии неизменно привлекает желающих как лампочка мотыльков, с той лишь разницей, что наши клиенты не помирают с сожженными крыльями, а получают качественные услуги. Ничего выдающегося на самом деле – такой уровень интернет-сопровождения можно найти за гораздо более приемлемые деньги, но это уже не наша проблема.

Согласно традиции, жениху надлежит идти до дома невесты пешком или – если далеко и вообще современный вариант – ехать на машине. Выбран был первый вариант, потому что семейство невесты живет в этом же поселке, буквально через три дома напротив.

- Охреть сколько народа, - нервно поправил воротник пальцем Ли, глядя в окно.

- Изрядно, да, - согласился я, посмотрев туда же.

Сотни три гостей собралось, и наличие среди смуглых и узкоглазых лиц вполне белых заставило меня задуматься о размере бизнес-империи Личжи: уважаемые люди прилетели на свадьбу его сына издалека, отложив все дела, а это значит, что их интересы крепко переплетены.

- Но тебе-то чего переживать? – подбордил я друга хлопком по плечу. – Расслабься – ритуал простенький, немного стыда, и вот ты уже женатый человек.

- Офигенно подбодрил! – фыркнул Ли.

Костюмчик, кстати, сидит отлично – все эти месяцы он не переставал работать над собой, и теперь на нем не найти ни единого лишнего килограмма. Горжусь – и им, и собой: без моего вмешательства, причем пассивного, Ли бы так мощно не похудел. Я насчет его веса не говорил ни слова, просто ему было стремно от контраста между нами. Ладно бы просто по универу и общаге вместе ходили, но мы же регулярно засвечиваемся на не подлежащих обработке фотках и видео – в этом «пассивность» и заключается, я просто метафорически встал рядом, а гордость друга, расправившая плечи после освобождения от гиперпекающей бабушки, сделала все остальное. Анна Гранитовна (то еще отчество, намекающее!), кстати, оказалась совсем не страшной, и конечно же приехала на свадьбу без дураков любимого внука. Приехала сильно заранее, чтобы лично контролировать подготовку, и мы с ней не только познакомились, но и неплохо наладили отношения – старушка оказалась юморная, циничная и интеллигентная, сильно напоминая мне бабушку Кинглинг.

Бабушка на свадьбу тоже прибыла, сейчас наряжается, потому что ей надлежит быть в центре внимания, на правах гражданской супруги господина Личжи. В этом качестве богачи Пекина ее уже знают, а теперь ее представляют и другим. Рад за Кинглинг – встретить любовь на старости лет великое счастье, потому что многие эту способность с годами утрачивают навсегда. Свадьбы ее с Личжи можно не знать – романтику события напрочь убьют юридические формальности, и брачный договор займет неплохой такой объем. Это не оговаривалось, но моя умная бабушка все прекрасно понимает, и тоже не хочет портить такой интересный роман пошлым обсуждением того, кому что достанется после развода или смерти старшего Хуэя. Ей от него совсем ничего не нужно, кроме самого Личжи, а ему, в свою очередь, от Кинглинг нужна только Кинглинг.

Телефон пискнул уведомлением, и я полез посмотреть. Сообщение от Дзинь было коротким и снабжалось фотографией сидящей за столом над книгами и тетрадками мамы Айминь.

«Весь день так сидит». И пусть сидит – после засветки в интервью, которое хорошо приняли даже в России, а в Китае так и вовсе многие смотрели по нескольку раз, маму стали сильно уважать, и чья-то светлая голова из Партии с полного одобрения прадеда решила поставить маму на политические рельсы. Вот и сидит горемычная целыми днями, готовится сдавать экзамен в Партию. Больших высот ей не светит: при всей моей бесконечной любви к подарившей мне жизнь Айминь, способностей построить большую карьеру ей не хватит. Просто вольется в какой-нибудь клан провинциального уровня и будет ездить по деревням и городкам, толкая правильные речи и немножко улучшая жизнь граждан – например, донесет до куда надо сведения об ущемлениях со стороны чинуш поменьше или неработающей инфраструктуры, как было с канализацией в нашей деревне.

- «Она большая молодец. Не мешайте ей», - отписал я в ответ и выключил нафиг телефон, потому что настало время выходить из дома.

На веранду к нам с Ли вышли друзья и родные: старший Хуэй, бабушка Ли, его горестарший брат (Личжи смог обуздать свой отцовский гнев и лично пригласил падшего сына на свадьбу), бабушка Кинглинг в очень красивом этническом тайском платье с высокой прической и шикарным колье на шее и особо приближенные друзья Личжи тайского происхождения в лице трех смуглых мужиков в таких же праздничных как и у нас всех костюмах.

- Прекрасный день! – озарил нас улыбкой старший Хуэй. – Ступай твердо и решительно, сын! Смотри под ноги, но не опускай гордо поднятой головы! Веди себя столь же достойно, как вел при уважаемых людях до этого. Помни: ты – наследник семьи Хуэй!

Старший сын – довольно молодой на самом деле, но уже успевший выработать на роже первичные признаки алкоголизма – скривился так, словно унюхал у своего носа то самое, а Ли серьезно поклонился родителю:

- Спасибо, отец. Я не опозорю чести нашей семьи.

Старший братец скривился еще сильнее, но на это всем было плевать. Может Личжи и не в качестве жеста доброй воли старшего сына пригласил, а наоборот, потыкать носом в то, что тот потерял? Стоп, не моя проблема, думаем в другую сторону, а лучше – не думаем совсем, а просто натягиваем на рожу улыбку и встраиваемся в идущую на улицу колонну с Ли во главе. Следом – Личжи с Кинглинг, а мы с Яном (в основном – я, но «паладина» по местническому принципу никому притеснять не позволю!) удостоились очень почетной третьей линии, как и положено друзьям жениха.

Собравшиеся на улице гости встретили наше появление радостными возгласами, немножко аплодисментами и выкриками добрых пожеланий в адрес жениха. Ли от такого приема сначала подрастерялся, но сохранил на лице улыбку, а затем и вовсе пошире расправил плечи и широким шагом направился к дому Бинси, всем видом демонстрируя решимость обрести простое человеческое семейное счастье.

Короткий путь завершился быстро, и высокий я еще давно заметил пеструю стайку нарядных девушек разных национальностей, перегоротивших вход в дом Догбуа. Подружки невесты, как и всегда в таких случаях, по большей части не прям «подружки», а просто знакомые. Праздничного настроения от них, впрочем, исходило одинаковое количество – ну какая женщина вне зависимости от возраста не любит свадьбы? Возраст группы подружек невесты тоже отличался, от первоклашек до дам средних лет. Празднично одетые детки всегда такие забавные! Жду не дождусь возможности понаряжать во всякое своих!

Далее я начал испытывать жесточайшие флешбеки благодаря паре десятков свадеб, которые довелось посетить Ивану: подружки невесты принялись на каждом шагу подвергать Ли испытаниям и выпрашивать деньги. Честь поработать «кошельком» и местным аналогом «свидетеля» выпала конечно же мне, и я щедрой рукой пересыпал из мешочка в мешочек банковские пачки новеньких, приятных на ощупь и приятно-тяжеленьких стодолларовых банкнот там, где требовалось это и позорясь на пару с другом в испытаниях: мы пели дуэтом, разгады-

вали загадки, декламировали стихи, а Ли в качестве финального «соло» громогласно прокричал признания в любви закрытой двери комнаты невесты.

Дверь открылась, и мы узрели одетую в великолепно стильное, но при этом выдержанное в этнических рамках платье Бинси в сопровождении родителей и сестренки подросткового возраста. Родители представили нам Бинси принятыми в таких случаях фразами, и Ли вручил уважаемым старшим Догбуа антикварного в хорошем смысле вида поднос с теми же пачками американского бабла. Выкупил красавицу, получается! Мама Бинси показала отличную актерскую игру, когда уносила поднос в «закрома» согнувшись до самой земли – показывает щедрость жениха, имитируя тяжесть подноса.

Допущенные в дом Догбуа гости и я вместе с ними изобразили буйный восторг, а я в глубине души облегченно выдохнул – здесь мои обязанности заканчиваются, и я могу веселиться на общих основаниях.

Совершив небольшой променад до имеющегося в поселке пляжа с выстроенной здесь потребной свадебной инфраструктурой, мы перешли к церемонии Сай Монхон – гвоздью свадебной программы. Жениха и невесту усадили на стулья друг напротив дружки, и они взялись за руки, положив их на стоящий между ними маленький столик, чтобы не размыкать их до конца церемонии, а метафорически – всю оставшуюся жизнь.

Господин Личжи удачным браком, к сожалению, похвастаться не может, а это – непременное условия для возложения на головы молодоженам сплетенного из жемчуга в длинную нить головного убора под названием Монг Кол, поэтому нить на головы молодых укладывал отец Бинси, а Личжи отчаянно ему завидовал.

Мы тем временем выстроились в длинную очередь с родителями молодых во главе и со мной во второй линии. Яна на этой стадии прогнали подальше, потому что он не настолько важный, как повязанные бизнес-интересами «друзья» Хуэв и Догбуа.

Набирая воду из нарядного бачка при помощи красивой морской ракушки, гости принялись подходить к молодым и поливать их руки, желая хорошего и – кто постарше – давая советы о налаживании быта и сохранении крепкой семьи. Когда настала моя очередь, я улыбнулся молодоженам и начал лить воду, с мудрым видом изрекая:

- Мужчина – это русло. Женщина – это река. Ли, я желаю тебе быть самым глубоким и крепким руслом. Бинси, я желаю тебе быть самой живой рекой.

Друг от смущения залился краской, его невеста благодарно кивнула и широко улыбнулась – понравилась метафора.

Эта часть церемонии продлилась больше часа, и я стал сочувствовать виновникам торжества – неподвижно лежащие руки за это время жутко устали. Хорошо, что мне не надо жениться по тайскому обычаю – ко мне очередь выстроится такая, что придется сидеть пару суток.

Когда поток гостей иссяк, ярко-багровое солнце начало опускаться в море, раскрасив его и небо в потрясающие краски. Вот закаты в Таиланде мне очень нравятся! Молодые, продолжая стоически держаться за руки, поблагодарили нас за теплые слова и пригласили веселиться и кушать. Расстегнув запонки пиджака, я лихо закатал рукава и направился к столу «для друзей жениха» - с самого утра не жрамши, пора наверстывать! Ах да...

- Ян, смотри, - указал «падавану» на бредущую к столику «подруг» в кругу других девушек очень красивую китайку. – Это Сюй Юйлинь, ей восемнадцать, и она – наследница семи с половиной десятков заведений с «горячим горшком», здесь и в Китае. Подкати к ней, она в отличие от девчонок из нищих семей не будет выдаивать тебя как старую козу – у нее все есть, кроме нормального парня.

- Красивая, - задумчиво посмотрел Ян на выгодно блеснувшую драгоценным цветком в волосах в лучах солнца Сюй, потом, с тоской, на шампанское. – Можно выпить для храбрости, учитель?

- Нельзя! – пресек я в зародыше попытку начать бухать и подтолкнул Яна к столу. – Сейчас пожрем, начнутся танцы, и ты ее пригласишь. Обязательно спроси про...

- Любимый цвет и знак обоих зодиаков, знаю, - уныло перебил падаван.

- Выше нос! – подбодрил я его. – Представь, как здорово будет ходить в «горячие горшки» бесплатно до конца жизни?

- Так вот зачем ты меня к ней подсылаешь! – возмутился Ян.

Мудрый охотник умеет ждать, поэтому осьминогов, моллюсков и многочисленные салаты я забрасывал себе в рот осмотрительно, держа в поле зрения исполинский, в человеческий рост, свадебный тор. Говорят, у каждого «слоя» из двенадцати собственный вкус, а значит я должен попробовать их все!

Увы, вместо перехода к десерту «пищевой блок» сменился выступлением квартета певцов Il Divo. Пели и играли они замечательно, но меня больше интересовала стоимость их «выписки» на свадьбу в Таиланде, а еще – наблюдения за Яном, который благодаря моему стимулирующему пинку опередил пятерку молодых людей-конкурентов в приглашении Сюй Юйлинь на «медляк». Падаван и не подозревал, что на руку наследницы «горячих горшков» такой спрос и моментально расправил плечи пошире, наградив соперников взглядом как на то самое. Теперь ему и мотивирующих пинков не нужно – закусил удила, как и положено профессионально деформированному спортсмену, приготовившись бороться за приз до самого конца.

Ну а сам я, не желая танцевать ни с кем кроме отсутствующей здесь Кати, отполз подальше от назначенного танцполом куска пляжа и поближе к реально пожилым мужикам, обсуждающим самую интересную для любого уважающего себя китайца вещь в мире – деньги, чтобы помериться доходами и планами на них ко всеобщему удовольствию. Может и поделится старички с воспитанным и талантливым юношей полезным «инсайдом», чисто поощрить за мое к ним внимание – пожилые любят делиться мудростью даже с теми, кому оно нафиг не надо, а уж с теми, кто сам об этом просит и подавно.

Глава 2

Я подбросил мяч и привычно прогнал желание полюбоваться, как он заслоняет собой солнце – это будет стоить мне нескольких секунд слепоты – и вдарил по нему ракеткой. Швейцарец Станислас Вавринка – еще один ультимативной мощи теннисист, и «сетка» столкнула нас в финале французского турнира Roland Garros.

Вавринка к этому моменту по идее должен уже красоваться кубком Австралия Опен, но там я «выбил» его в четвертьфинале. Было непросто, но еще тяжелее сейчас. Помогает разве что климат – в воздухе комфортные «чуть за двадцать», и играется от этого гораздо легче, чем в той же Австралии. Жаль, правда, что не только мне, но и сопернику – там у меня было преимущество, потому что к жаркому климату я привычен больше, чем уроженец Швейцарии.

Мы шли к этому дню весь турнир, но «посев» разбросал нас по разным сеткам. Хорошая штука на самом деле – турниры были бы еще более скучными, если бы первая и вторая ракетки мира неизменно напарывались друг на дружку в первых раундах. Никакой интриги после этого не будет: разобравшись с сильнейшим соперником, победитель спокойно пройдет по головам соперников попроще до самого кубка. Ну смысл такое смотреть и делать ставки? Букмекеры в большинстве стран, где их деятельность разрешена, нехило так подпитывают спорт, помогая государству сэкономить деньги на более важные вещи. Моральная сторона вопроса при этом благополучно прячется под стол, и я с властью имущими в этом согласен – определенное количество азартных людей так или иначе найдет способ просадить свои деньги, так пусть от них хоть какая-то польза будет.

Кросс, форхенд, неприятная засветка в глаза от солнца – чуть больше нужного голову поднял, «вынырнув» из-под козырька – и почти пропущенный мяч из-за этого. Успел отбить кривоватым бэкхендом, и соперник совершенно правильно решил добавить мячику скорости, отправив его в противоположный мне угол корта. Мой главный козырь – антропометрия – позволил мне дотянуться до мяча, отбив вполне уверенным кроссом. Траектория получилась высоковатой, и Вавринка ожидаемо попытался «срезать». Я этого ждал, поэтому, как только он занес ракетку до момента невозможности отбить иначе, я ломанулся к сетке. Выбора нет, придется проверить на прочность мою удачу – я мог как угадать точку соприкосновения мячика с кортом, так и нет, потому что точно спрогнозировать в этой ситуации невозможно. Повезло – я угадал, и, дождавшись отскока, крученым погасил инерцию мячика, отчего он грустно шлепнулся о половинку корта соперника возле самой сетки, бессильно подскочил на десяток жалких сантиметров, после чего серией мелких прыжков покатился по корту.

- 15-0!

Вавринка хорош – понимая, что все равно не успеет, он не стал тратить силы на тщетную попытку добраться до мяча, «отдав» мне первое очко первого гейма решающего сета.

А пока я здесь играю, меня, что называется, «мочат». «Мочат» те, кто в будущем утратят всю свою «внутреннюю» поддержку и получают ярлык «иностранных агентов», а отдельные представители даже будут записаны в экстремисты. Сейчас они на коне, не без помощи зарубежных «партнеров» и алгоритмов собирая в «Ютубе» десятки миллионов просмотров. Их главнюк, который почему-то считает себя политиком, по факту являясь блогером и любителем популистских обещаний с нулевой конкретикой, на такую маленькую фигуру как я тратить свои силы не стал, выделив для этого ручного бородатого клоуна, которому в будущем суждено стать героем мема «Отдай мне свой сладкий подарок, это очень поможет победить Путина». Почти двухчасовой ролик называется, понятное дело, «Настоящий коммунист Ван».

На протяжении половины хронометража круглолицый бородач со смаком перечисляет мои материальные блага – вся инфа о них есть в открытых источниках – снабжая это глупыми шуточками и регулярно приговаривая «вот вам и коммунизм».

Вторая половина была посвящена нашей семье. В основном – прадеду. Ударенные либерализмом граждане накопили архивных фоток – части из них у нас нет, потому что они из русских архивов – и попытались натянуть сову на глобус, слепив из Ван Ксу кровавого упыря, правую руку Мао и чуть ли не архитектора Культурной революции. Бородач прямо-таки светился от ощущения собственной офигенности, когда изрекал подводку к сегменту о «падении» прадеда в виде классической цитаты «революция пожирает своих детей». Забавно слышать это от деятелей, которые себя «революционерами» и считают. Считают, но по факту они обыкновенные интересные государственного переворота. «Со мной-то точно такого не случится, я же умный». Интересно, а Робеспьер так же думал, или понимал, к чему всю идет, лихорадочно пытаюсь отправить на тот свет вперед себя как можно больше людей?

Завершается видос новостью о том, что мама-Айминь готовится вступить в Партию, а батя (разумеется при помощи коррупции и блата) готовится подмять под себя все сельское хозяйство Сычуани. Круг жизни рода Ван, таким образом, замкнулся, снова забросив нас в китайскую элиту.

Не нашлось в видеосе места только близняшкам и глухонемой бабушке – полагаю, решили, что безобидный бложек двух девочек-подростков и инвалидность бабушки Жуй испортят картину неоднозначностью и сделают видос не настолько эффективным.

Зачем врать, если можно подать факты в определенном порядке, снабдив их простенькими манипулятивными приемами? Там многозначительный вопросик, здесь – смешок, тут – пауза, в промежутке – рассказ о любви некоторых моих соотечественников мучать котиков, поедая их по частям, и готово: девять десятых комментаторов меня почему-то возненавидели. Да, среди них изрядно ботов, но какая-то часть все равно исходит от настоящих людей. Долларом я себя не считаю, и нравиться вообще всем не намерен – это попросту невозможно – и даже обиды у меня нет: просто очень мерзкое послевкусие от этой поделки осталось.

С другой стороны, имеется немало заминусованных сектантами проплаченного врагами собственной страны «фонда» комментариев, в которых более здравомыслящие товарищи интересуются на предмет моих богатств простым «а че тут такого? Пацан – первая ракетка мира. Вы видели где-то нищего спортсмена хотя бы в первой сотне?» и потешаются над сегментом про прадеда, прекрасно понимая, что переводчик любого уровня «архитектором» чего угодно быть не может, потому что настоящими властью имуществами воспринимается исключительно как инструмент.

Вот так мне тот уже подзабытый спич про «треугольники» аукнулся. Хочется вот этой самой ракеткой – чтобы руки и ноги не пачкать – вбить все это гадство обратно в пасть этой противной рожи, следом отправив в путешествие по пищеводу зубы и осколки костей черепа.

Направлять злость куда надо – один из главных навыков спортсмена, и я владею им в полной мере. Соперник в моих глазах начал стремительно мутировать, отращивая щечки «пупсика», бороду и обрастая жирком. Руки и ноги налились новыми силами, легкие принялись гонять воздух по организму с ритмичностью медицинской системы «внешнего» дыхания, гудящие от сотен ударов ладони крепче сжали рукоятку ракетки, и до самого конца сета я показывал такой уровень, которого и сам от себя не ожидал. Бедный Вавринка – ему приходится отвечать за чужие грехи.

- Гейм!

Подача перешла к сопернику.

- 0-15!

- 0-30!

- 0-40!

- Гейм!

И опять ко мне.

- 15-0!

- 30-0!

- 40-0!

- Гейм!

Спасибо врагам России – сами того не желая, они помогли мне выиграть еще один турнир. Хотя нет – они здесь не при чем, это я молодец: смог обернуть их жалкие потуги в свое преимущество.

Пожалуй, продолжу время от времени подбрасывать в российское инфополе интересные тезисы, кои «естественным» способом будут выработаны русскими адептами гуманитаристики (в хорошем смысле) только восемь-десять лет спустя. Если мразей корежит, значит я все правильно делаю. Ну и само собой наши юристы сейчас разбирают видосик по миллисекундам, собирая фактуру для иска в суд. Не российский и тем более китайский, чтобы не давать придуркам возможности попиариться на иске, обвиняя суды в предвзятости, а в европейский, сомневаться в решении которого они не посмеют. Даже с «крышей» в виде малоизвестного широким массам в эти времена «Usaid» «фонду» придется выплачивать нам компенсацию (ее я демонстративно передам какой-нибудь лечашей детей русской благотворительной организации) и запостить на канал видос с извинениями и опровержениями. Здесь вам не тут!

Помогают нашим юристам настоящие монстры из профильного отдела нашего МИДа. Посвященные мне части видоса юридически «чисты», но на сегменте про Ван Ксу неуважительный господин ведущий неосторожно наговорил лишнего. Вот от имени прадеда иск подан и будет. Китай за мной стоит горой, и такая мощь за плечами работает покруче крыльев. До чего же приятно быть любимым сыном самой Поднебесной!

Выместив злость на ни в чем не повинном Вавринке, я обрел внутренний покой, крепко запитанный на предвкушении судебного процесса и пошел награждаться. Сама победа радовала, но не так уж сильно – привык, просто «еще один день в офисе». Винстрик, тем не менее, продолжается, а я почти собрал вторую по крутости теннисную награду: Карьерный кубок Большого шлема, для которого нужно выиграть четыре турнира этой категории подряд. Три: Австралия, США и Франция – у меня теперь есть, остался только «финальный босс» в виде Уимблдона. В прошлом году перед ним у меня было бы всего две недели на отдых, но с этого года «гуманные» теннисные функционеры расщедрились на еще одну недельку. Ну а там рукой будет подать до альфы и омеги признания умений теннисиста – Золотой шлем, для получения которого нужно прибавить к даруемому за победу в четырех главных турнирах Большому шлему Олимпийское золото.

Очень хочется домой, жутко соскучился по своим, но не выйдет – прямо завтра полетим в Англию тренироваться и привыкать к климату, ну а сейчас поднимаем над головой кубок, подставляя камерам самые фотогеничные стороны улыбающегося меня, жмем руку Вавринке с непременным обещанием встретиться на корте снова и подходим к камерам – к той их части, где китайские телекомпании и затесавшийся в их компанию Иван, аккредитованный от телеканала «Россия 2», он же «Спорт». Скоро канал закроется, мутировав в «Матч ТВ», но пока вот так.

- Бла-бла, спасибо сопернику за интересный и напряженный матч. Нет, старался сразу играть в полную силу, но получилось сберечь достаточно сил для «взрыва» в финальном сете. Буду готовиться к Уимблдону, завтра полечу в Англию, - это сразу всем, на разбор по каналам, а подсутившийся Иван немного разбавил стандартную фигню интересным вопросом.

- Может стоит для разнообразия проиграть? Такими темпами ваши матчи скоро перестанут смотреть из-за отсутствия интриги.

- Напротив! – улыбнулся я, продолжая говорить на китайском: русский корреспондент здесь один, а наших – много. – Интрига просто видоизменится в «когда же он проиграет?». В американском рестлинге есть такой борец Голдберг, который никогда не проигрывает, но все равно жутко популярен. Полагаю, со мной будет так же.

- Полагаете, получится завершить карьеру без поражений? – спросил журналист-соотечественник.

- В отличие от упомянутого мной рестлинга, которой является театральной постановкой со сценариями, спорт больших достижений никаким сценарием не подчиняется, и все зависит только от умений спортсменов. Отвечу так – я мечтаю уйти из тенниса непобежденным, но это пока никому не удавалось. Просто буду продолжать упорно работать и выкладываться на мои стандартные сто пятьдесят процентов.

Вот такой я скромняга.

По пути в раздевалку я протянул руку влево, получив в нее бутылку с водой и приложившись к ней протянул свободную вправо, получив в нее смартфон. Хранитель телефона в моем «пуле» - отдельная штатная должность с единственной обязанностью.

«Зайди в гостишку как освободишься, дело есть», - набрал я сообщение Ивану, отдал телефон обратно «хранителю», опустевшую бутылку ответственному за нее и полотенца Гуай Бо и поделился секретом с тренером Ло:

- Представил в последнем сете на месте Вавринки того русского блогера.

Заржав, Ло Канг одобрил:

- Представить на месте соперника своего врага – старый и надежный способ усилиться.

- Да какой там «враг»? – поморщился я. – Просто за прадеда обидно очень, до желания сделать из жиробаса отбивную.

- Делай ее из соперников, - выдал очевидный совет тренер Ло.

Быстро освежившись в душе, я переоделся, и мы поехали в гостиницу.

- «Ок», - нашелся в телефоне ответ Ивана.

- Уважаемый Фу, я собираюсь немного «набросить» в русский интернет, - признался я куратору.

- Сохраняй осторожность и не подставься под судебный иск, - одобрил Фу Шуньшуй.

Такая легкость получения «карт-бланша» на высказывания – результат моей долгой, невидимой работы. Настолько «невидимой», что я только после свадьбы друга Ли осознал, что я наделал. Спортсмены высокого уровня – да простят меня они и их фанаты – как правило не блещут интеллектом. Грустный факт: спортсмен может казаться умным человеком, но это лишь иллюзия, вызванная тем, что на людях они как правило говорят одно и то же, а «за кадром», во время всяких торжественных, благотворительных и прочих приемов (или тупо на «корпоративах», куда приехали за деньги потусить на правах почетного гостя), тоже стараются не говорить лишнего. Меньшинство, а большинство давным-давно уверовало в собственную богоизбранность и авторитет.

Особенно это характерно для выходцев их очень грустных стран – тамошние спортсмены попадают на вершины чуть ли не прямо из родных трущоб. Рассказывали мне тут байку – пригласили богачи на день рождения футболиста Рональдо, а он весь вечер с важным видом рассказывал о том, что нужно пить по десять литров воды в день, а остальные пригодные к употреблению жидкости – в том числе обладающие научно доказанной пользой соки – объявлял ядом. Богачей это изрядно веселило.

Я в этом плане оказался исключением – получив исполинский пласт чужого жизненного опыта и накопленных «донором» знаний и обладая достаточно хорошим, пригодным для оперирования всем этим мозгом, я способен поддержать разговор практически на любую тему – хотя бы задавая оратору хорошие вопросы и выдавая толковую обратную связь.

Один приёмчик, другой, третий... Пока я без задней мысли вел себя как считал нужным и говорил то, что тоже считал нужным, важные шишки натурально выпадали в осадок и яростно делились впечатлениями с коллегами, друзьями и родственниками. А помимо приемов, имелось и некоторое количество парных игр с богачами, где мы имели возможность пообщаться намного более плотно, чем во время коротких стычек на формальных мероприятиях.

Целиком отследить мою биографию давали себе труд сильно немногие – новые достижения перебили старые, и в какой-то момент слухи о том, что Ван-то оказывается умный чувак набрали критическую массу, и общество повторно узнало о том, что я вообще-то лучший ученик Сычуани по итогам ГаоКао. «Вот оно что!» - складывали два и два важные дядьки, и проникались к такой разносторонней личности еще большей симпатией.

Уникальность – вот что больше всего ценится в Китае. Собранный мной комплект достижений, помноженный на умение разговаривать о том, в чем обычные спортсмены «плавают», сделал меня в глазах как минимум китайских элит не просто спортивной суперзвездой, а самым образцово-показательным из всех образцово-показательных. Без ложной скромности заявлю – я такой *ОДИН*, и в полуторамиллиардной стране достижения круче быть попросту не может.

Идеология – это важно, пусть даже выражается она в поисках этой самой идеологии, как это происходит в России. Думать о России – один из главных видов досуга склонных к отслеживанию политических дискурсов русских людей. Еще к моменту отправки писем я понял, что не смогу остаться простым спортсменом, и буду в меру сил стараться влиять на мир вокруг себя. Возможностей у меня пока не так много, но инструмент в виде «прокачанной медийки» имеется.

Раз меня «мочит» один лагерь политизированных граждан, само Небо велит мне прикнуть к лагерю другому, усилив его собой и подтолкнув политико-философский дискурс туда, где он и без меня окажется несколько лет спустя. А что будет, если ускорить этот процесс?

Нет, становиться официальной говорящей головой официальной российской власти я не буду – да мне этого никто и не позволит! – а вот зайти «сбоку» получится очень даже. В этом мне Иван и поможет.

Место действия – вторая, «камерная» столовая «Люкса». Проектора, петлички и декорации приготовлены заранее. Они сами по себе являются «сигналом» расположения к одному лысому блоггеру-«центристу»: окна плотно завешаны порттьерами, вместо задника – черная тряпка, а сидеть мы с Иваном будем за обитым зеленым сукном столом.

- Вань, надо про Россию поговорить минут сорок, - провел я экспресс-брифинг, когда охрана привела ко мне гостя.

- А? – удивился он. – Это что, косплей Гоблина? – с выпученными глазами оценил декорации.

- Не косплей, а древнее китайское искусство дипломатического сигнала, - важно поправил я. – Цепляй петличку, присаживайся, чай сейчас принесут.

- Лады, - пожал плечами «донор памяти». – Про Россию поговорить я всегда рад.

- Хорошая тема, - хохотнул я. – Неисчерпаемая.

Заняв свое место, я открыл в установленном перед собой планшете «шпаргалку». Дождавшись, пока Ваня усядется напротив, я скомандовал мотор, и Иван сходу вжился в роль:

- Мы вас категорически приветствуем!

Никаких «горячих» инфоповодов в нашем видеосе не было, равно как и упоминания «мочащих» меня сил. Я просто вновь озвучил в более развернутом виде свои тезисы про «треугольник», а потом погрузился в историю:

- На самом деле спор между Россией и Западом идет не столько за Крым, сколько за Рим. Так сказать – «за первородство», и спор этот гораздо глубже, чем территориальные вопросы и вопросы суверенитета. Корни конфликта, на мой взгляд, уходят в самую глубь веков и берут свое начало при Ярославе Мудром – на время его правления, всего через несколько десятков после Крещения Руси, выпал церковный раскол 1054 года. При всем уважении к основателям Российской государственности, сомневаюсь, что Ярослав Мудрый и тогдашние служащие на Руси монахи вообще о нем знали, банально из-за того, что христианство на Руси было очень молодо. Да там едва ли набралась бы хотя бы на одну руку людей, которые понимали, что

именно не поделили греческие попы с латинскими во время той самой литургии в Святой Софии. На Руси в церквях лежали книги на греческом или переводы с оногo, вышедшие из-под пера Кирилла и Мефодия, поэтому Русь оказалась в «греческом», то есть – Православном «лагере» так сказать явочным порядком, не имея возможности выбрать и даже не подозревая о том, что какой-то «выбор» вообще есть. Посему я склонен считать первым, в полном смысле цивилизационным выбором битву на Чудском озере, названном в истории «Ледовым побоищем». Тогда Александр и его элиты действительно сделали выбор, решив сохранить Православную веру – под властью Орды это было возможно, а при укреплении так сказать партнерства с Западом – нет. В дальнейшем подобный выбор вставал перед Россией раз за разом...

Глава 3

Гостиница с Джоковичем сгорела уже давненько, но забыли об этом только те, к кому оно напрямую не относилось. Моя охрана к таким не относится. Более того – на время пребывания в Англии установлен режим максимальной паранойи, поэтому мы сняли даже не несколько коттеджиков, как в Австралии, а один большой, на всех. В принципе, даже не «коттедж», а «особняк», потому что построен он в начале XIX века, и жил в нем какой-то забогатевший в колониях делец.

Такая недвижка для потомков в отсутствие стабильных денежных потоков от бизнеса или на крайняк инвестиций является жуткой головной болью. Здание стоит, его нужно хотя бы иногда обогревать и сушить, нужно платить за свет и воду, нужно чинить одряхлевшие рамы окон и подновлять стены. А еще при передаче объекта в наследство по британским законам нужно заплатить неплохой такой налог. То же самое и с продажей, поэтому потомки охотно сдают свои особнячки и поместья всем желающим, пытаюсь «отбить» на этом хоть малую толику затрат.

Фронтир! Вот излюбленный способ «высших» европейцев «стравливать давление», отправляя тех, у кого ничего нет, в Крестовые походы, а потом и в колонии с девизом «кто был никем, тот станет всем!». Везунчики возвращались с фронта в «Хартланд» с тоннами бабла и вливались в ряды элит, менее везучие формировали элиты на фронтире, а невезучие совсем... Да кого вообще волнует их судьба?

Но это дела давние, и ко мне напрямую не относящиеся – меня больше интересовали неуютные сквозняки (и это летом-то!), вызванная регулярными дождями сырость и имеющийся на участке рядом с особняком личный теннисный корт. Посетив его, мы с тренером Ло расстроились: «травяное» покрытие – это основная фишка Уимблдона, а здесь – обыкновенное «хард» покрытие. Пришлось спешно переделывать – англичанин-«лендлорд», собака такая, содрал с нас за «замену любимого покрытия» на «то, которое мне придется перестилать» дополнительные десять тысяч фунтов, а саму замену, разумеется, тоже оплачивал я. «Любимое покрытие», ага! Да судя по пузу лендлорда, трещинам в покрытии и печально провисшей сетке здесь уже лет десять никто не играл!

Грабить китайцев англичанам привычно, поэтому я даже не расстроился: иного ожидать было глупо. Пофигу, с высоты нынешнего меня это – гроши, которые меркнут в сравнении с важностью тренировок. Покрытие постелили быстро, и уже на следующий день, когда мы начали его осваивать, уже ничего не напоминало о его новизне. Любят англичане газончики и смежные штуки, эта сфера здесь хорошо развита.

Ох и тяжело мне было найти достойных спарринг-партнеров! Да какой там «тяжело» – попросту невозможно, потому что самые толковые давно на длинных контрактах со старожилами, и пришлось выбирать из того, что есть. Положа руку на сердце, я бы окрестил результат как «на грани провала», но такая проблема в той или иной степени есть у всех топ-10, несмотря на вышеописанное. Физически не существует «тренировочных манекенов» уровня топ-10, потому что иначе они бы сами в теннис играли. Приходится нанимать «бомжей» из жалкого топ-100. Таковых у меня трое, работают посменно, потому что за одну полуторачасовую тренировку, даже если я не выкладываюсь на полную (а я не выкладываюсь, потому что тогда не тренировка получится, а избиение беспомощного без всякого толку), спарринг-партнер запас выносливости опустошает до дна.

Если нельзя достичь качества, нужно компенсировать это количеством, делая упор на «физику» и отработывая хитрые приемы. Когда закончатся контракты, моих спарринг-партнеров с руками оторвут другие топовые теннисисты или профильные спортивные центры для очень богатых людей. А кое-кто может быть даже на мне «прокачается» и сможет достичь новых высот в личной карьере!

Сегодня – 21 июня, восемь дней до начала Уимблдона. Время – почти обед, и я получаю огромное удовольствие от тренировочного спарринга с Марией Юрьевной Шараповой, которая оказала мне огромную честь, приняв приглашение. Обладательница «Карьерного шлема» (не за один год, за разные, но это разве делает ее достижение менее значимым?), Заслуженный мастер спорта России, обладательница двух медалей «За заслуги перед Отечеством» за высокие достижения в области физической культуры и спорта, настоящая легенда тенниса и просто красавица летала по корту изящной ланью, и мне стоило изрядных трудов не плошать.

Тем не менее, биологию никуда не денешь – Мария, несмотря на свои потрясающие навыки, остается девочкой. Тренировка от этого, однако, получается архиполезной – там, где ей не доставало физической силы, Маша брала ловкостью и колоссальным опытом. Хотя нет, даже не «ловкостью», а чем-то большим, что примитивный человеческий язык не способен описать лучше, чем «женским». Это – другой теннис, и не страдающий шовинизмом, зато любящий впитывать все полезное как губка, добавляя это в свой арсенал, старался выжать из тренировки как можно больше.

Есть такой старый фильм про Джеки Чана «Пьяный мастер». Там Джеки из шовинизма не выучил стиль «мисс Хо», и за это очень сильно огреб. Потом, проявив обучаемость, овладел им и на нем же «затащил» в финале. Спасибо, учитель Джеки, я клянусь не повторить этой ошибки! С самим Джеки Чаном я, кстати, познакомился на одном из приемов и с двойным (своим и Ивана) восторгом жал ему руку, фотографировался и брал автограф. Он на приеме спел пару всенародно любимых китайских песен, и пел, надо признать, великолепно. Талант!

Смею надеяться, что Мария от нашей тренировки тоже получит что-то для себя полезное – лично я парочку приемов «в рукав» засунул, чтобы в нужный момент разыграть в качестве козыря. Мария Юрьевна – мой личный аналог мисс Хо!

- Все, устала! – вместо очередной подачи заявила Маша. – Покормишь меня?

- Само собой! – даже немного оскорбился я.

Зря – простая вежливость, никто меня жмотом не считает. Временно расставшись ради посещения ванн и переодевания, мы воссоединились в столовой. Мария приехала к нам в гости два часа назад уже в экипировке (интересно, какой процент рейтинга женского Большого тенниса обеспечивают короткие юбочки?), и мы сразу пошли на корт. Сейчас, в столовой, тренер Ло впервые получил возможность поцеловать легенде тенниса ручку и рассыпаться в щедро сдобренных акцентом комплиментах на русском языке. Марии такое привычно, поэтому она вежливо поблагодарила, и мы сели за стол. Теннисистка спокойна не только потому, что верит в отсутствие «подстав» с моей стороны (а нафига мне? Китайские теннисистки пролетели мимо «Уимблдона»), но и потому, что очень ранним утром к нам приехала ее охрана, посмотрев результаты проведенных нами проверок продуктов и на всякий случай проверив многое самостоятельно.

- Курица и козлятина по технологии су-вид, - представил я «гвоздь программы». – И то и другое из моей родной деревни.

- Интересно, - улынулась Маша. – Никогда козлятину не ела, думала она вонючая.

- Рад, что эта честь выпала нашему мясу, - честно признался я. – Гарниры...

- Да давай жрать уже, - фыркнула Мария. – У меня что, глаз нет?

Хохотнув, я кивнул:

- В самом деле, чего это я. За знакомство? – поднял бокал с соком.

- За знакомство! – поддержала она тост таким же напитком.

Выпили, пожелали друг дружке приятного аппетита и принялись компенсировать потраченные на корте калории.

- Ничего себе какая сочная! – удивилась гостя вкусу «су-видного» белого куриного мяса.

- Как ты говоришь? «Су-вид»?

- Су-вид, - кивнул я. – Доедим и покажу – на кухне стоит.

- Долго возиться надо?
- Считанные минуты, - покачал я головой. – Нарезать, обвалить в приправе, запаять в вакуум и закинуть в контейнер, дальше само. Там уже долго – эта грудка, например, шестнадцать часов при малой температуре готовилась.

- Шестнадцать?!

- Шестнадцать!

- Врешь! – подозрительно прищурилась на меня Маша.

- Нисколько! – отверг я навет и достал из кармана смартфон.

Открыв приложение, показал Марии:

- Вот, пять порция мяса сейчас готовятся. У каждого свой таймер.

- Оно на китайском, - заржала она. – Откуда мне знать, что это за таймеры?

- Когда увидишь су-вид своими глазами, пусть тебе будет стыдно, - пожал я плечами, убрав телефон.

- Пусть будет, - с улыбкой согласилась Маша. – А девочка твоя в Китае осталась?

- Там, у нее сессия, - вздохнул я. – Соскучился, но пусть учится. Она у меня умная.

- И красивая, - добавила Мария.

Приятно.

- Спасибо!

Спустя несколько кусочков курицы и парочку запеченных картофелин Маша задала платиновый вопрос:

- А ты правда в теннис в школе не играл?

- Правда, - признался я. – Только в бадминтон. Я вообще не вру – нафига? Всю мою жизнь можно по бумагам отследить, ложь вскроется. Репутацию нужно беречь.

- Нужно, - согласилась Маша. – Удивительно.

- А ты правда из зоны поражения Чернобыльской переселялась? – задал ответный вопрос.

- Не прямо «я», - хихикнула Маша. – Мама беременна мной тогда была, с отцом в Сибирь переселили.

- Может мутировала от облучения в теннисистку великой мощи? – хохотнул я.

- Ой знал бы ты сколько раз я эту шутку слышала! – закатила глаза Мария, улыбкой дав понять, что не обижается.

- А ты со сколько лет в теннисе?

- С четырех. Учителя говорили, что у меня неплохо получается, - скромно призналась Маша. – Потом, в девяносто четвертом, когда кое-кого еще и на свете не было, - подмигнула мне. – В Москву чешка приехала, Мартина Навратилова, мне повезло с ней поиграть. Она меня и «открыла», нарекла талантом. Спасибо папе – в 95-м он меня в Америку увез, в академию Ника Боллетьеры. Там тоже повезло – контракт с International Management Group заключили, они мою учебу и оплачивали.

- Не везение, а результат упорного труда, - поправил я.

- И большой папиной любви, - добавила Мария.

Еще немного потрепавшись о прошлом, мы перешли к актуальным темам.

- Сейчас жарко, но еще ничего. Когда турнир начнется жарница будет такая, что я не удивлюсь, если кто-то прямо посреди матча вырубится, - выдала Маша зловещее пророчество.

- Прогноз погоды пугает, - кивнул я. – Даже в Австралии такого не было. Я думал в Англии вообще жары не бывает, а нам даже садовым шлангом пользоваться запретили, как и всем – говорят, засуха, нужно воду экономить.

- Засуха, - согласилась Маша.

- А ведрами из-под крана воду таскать можно, - заржал я. – Мы корт перестилали когда, так и делали.

- Наш человек всегда найдет способ государство надуть, - рассмеялась Мария. – Ой, ты же не русский, - осознала ошибку.

- А здесь у нас общего много, - покачал я головой. – На Западе главное – закон, а у нас и у вас – понимание.

- Ой, я в такие сложные вещи не лезу, - сморщила носик Мария. – Ты вот что – на игры побольше воды и изотоников бери и какие-нибудь леденцы с конфетами, как завсегдатай Уимблдона тебе советую.

- Возьму, а потом обязательно скажу тебе «спасибо», - пообещал я.

- Обязательно скажи, я «спасибо» люблю! – рассмеялась она. – Красивый особняк у вас, кстати.

- Предки хозяина работали в Ост-Индийской торговой компании, грабили колониальный Китай, - поведал я, улыбкой показывая, что это – шутка. – А теперь их потомок продолжает семейное дело – сдирать с китайцев побольше денег.

Отсмеявшись, Мария кивнула:

- Это англичане умеют, жлобы страшные. Но обижаться не стоит – у них тут налоги кошмарные, содержать особняк стоит дорого, и многие передают их в «National trust». Получается объект исторического наследия, этот «траст» смотрит за домом, ремонтирует и продает желающим билеты – ходят, смотрят как в музее. Право собственности остается, но распоряжаться особняком хозяин права не имеет – все решает «траст». Денег с билетов хозяин не получает, но и тратиться на ремонт не надо.

- Не знал. Интересно, - признался я.

- Да ну? – не поверила Мария.

- Мне вообще интересно как мир работает, - улыбнулся я. – А особенно – про деньги.

- У нас про деньги говорить не любят, - поведала Маша.

- А у нас это главная тема, - поведал я в ответ.

Внезапно стены особняка содрогнулись от многократных воплей:

- Тревога! Тревога! Тревога!

- Да твою мать, - горько вздохнул я, обхватив голову руками и уткнувшись локтями в стол.

- Че делать-то? – растерялась Маша.

Фэй Го тем временем занял позицию у двери, в которую забежало четыре охранника-китайца с телескопическими дубинками наготове.

- Пока оставайтесь здесь, - велел Фэй Го.

- Извини, на мне какое-то проклятье висит, - извинился я перед гостьей. – Как только в англоязычную страну приезжаю, сразу начинаются ЧП. В Австралии вообще жуть творилась.

В столовую вбежал еще один соотечественник – этот принес подробности:

- В дом проникла лиса. Ловим.

Мария заржала, я с улыбкой развел руками: такая вот у меня система безопасности.

Лисичек в Англии очень много – сильно изуродовав флору и фауну своего острова, англичане в какой-то момент опомнились и приняли меры, итоги которых жители острова могут наблюдать лично: лисы роются в мусорках, забегают в дома, иногда даже кусаются, надевая «счастливчика» необходимостью прививаться от бешенства – если повезло, то для профилактики.

Еще здесь много кроликов – их даже на нашей лужайке наблюдать в изрядных количествах можно, они любят по утрам вылезать из нор и радоваться первым лучам солнца.

За пернатую часть фауны в Англии отдуваются в основном фазаны – жирные, неуклюжие и предельно тупые – и сороки. Вот эти причиняют немало проблем своей любовью к воровству блестящих предметов. Ну а в прибрежных зонах нередки случаи, когда обнаглевшая чайка выхватывает еду прямо из рук сидящего в кафе человека.

- А что «творилось» в Австралии? – заинтересовалась Мария.

Первую реакцию в виде «а ты не знаешь?» я успешно подавил – реально занятым людям новости читать некогда и незачем, это я немножко странный и каждое утро пробегаю глазами свежие инфоповоды – хочется знать, что в мире творится, история-то с 14 года «ожил» и потихоньку переделывает мир, который долго жил под властью американского гегемона. А еще мне хочется найти последствия моих действий. Вчера нашел одно, весьма красноречивое: состоялась большая сделка по продаже одним китайским богачом десятка отелей и объектов поменьше на Хайнане другому богачу. Сразу видно, у кого доступ к «инсайдам» есть, а кому суждено потерпеть чудовищные убытки в грядущий «локдаун».

Пока я рассказывал Маше про австралийские приключения – история о героической собачке ее очень растрогала – охранники смогли поймать лису при помощи большой корзинки для белья.

- Потери? – спросил я.

- Трое укушенных и двое поцарапанных, - отчитался начальник охраны. – На лисе был ошейник с камерой, поэтому мы вызвали полицию.

Я перевел новости для гостя.

- Папарацци! – с отвращением выплюнула Мария. – Надеюсь заснять, как мы тут занимаемся чем-то сенсационным.

- А мы и занимаемся! – хохотнул я. – Налаживаем спортивное взаимодействие между странами при помощи су-вида.

- Ван, - вдруг потупился начальник охраны. – Лиса забежала на кухню, и Цай Лин уронил контейнер. Разбился.

«Су-вид» звучит на всех языках одинаково, поэтому не знающий русского охранник и поймал момент, чтобы сообщить грустную новость.

- Су-вид разбили, когда ловили лису, - ввел я гостю в курс дела и переключился обратно на китайский. - Потеря велика, но увольнять или штрафовать Цай Лина не надо – уверен, он очень сожалеет о своей ошибке. Он, кстати, пострадал?

- Укушен, - кивнул начальник.

- Значит уже заплатил кровью и плотью, - подытожил я. – Пострадавших везут в больницу?

- Везут, - подтвердил охранник.

- Ну и хорошо, - порадовался я. – Спасибо за заботу и новости, уважаемый Лян Яозу.

- Мы усилим бдительность, чтобы не допустить других проникновений, - пообещал он, и все лишние покинули столовую.

- Всё, кипиш закончился, - поведал я гостю.

- А может су-вид – это твоя выдумка, и все это специально спланировано, чтобы его не показывать? – с иронией в голосе и подозрительным прищуром спросила Мария.

- Могу показать обломки, - предложил я.

- Пф, обломки! – фыркнула гостя.

- Тогда приезжай завтра-послезавтра или в любой другой день, - предложил я. – Поиграем и посмотрим на новый су-вид.

- А вот возьму и приеду!

- И приезжай!

- И приеду!

Глава 4

- Ленка задолбала, блин! – жаловалась мне Катя по телефону.

Я напряг память, покопавшись в той ее части, которая отвечает за Катюшкиных подружек. Ух и пыльно здесь! Ну а что поделать, редко заглядываю.

- Это которая себя иначе как «Елена» называть запрещает?

Немного стыдно, но это – единственное, что я о ней помню. Ах да, еще она тоже в Цинхуа учится, но не за грант, как Катя, а за семейные деньги. О, вспомнил – мы ж знакомились, симпатичная такая зеленоглазая девчонка с «каре». Так и представилась мне – «Елена, и никак иначе».

- Угу. Обиделась на меня за то, что я на Уимблдон не поехала, представляешь?

- Не поехала ты, а обиделась – она? – не понял я.

- Так она со мной намылилась! – фыркнула Катя. – Визу сделала, билет купила в Лондон. «Катя, я думала мы подруги! Тебе что, трудно попросить своего меня с каким-нибудь миллионером познакомиться?», - передразнила «подругу».

Или просто подругу, без кавычек? Ох не знаю, у девочек все так сложно. На всякий случай предложу:

- Мне если что не трудно.

- Да пошла она! – буркнула Катя. – Офигевшая. Хоть бы спросила сначала, я вообще на Уимблдон собираюсь или нет, а не вот так, визой мне в лицо тыкать.

На фоне, с Катиной стороны, зазвенел звонок.

- О, мириться наверно приперлась, - злорадно захихикала невеста. – Всё, давай, удачи в финале, пойду принимать извинения и ждать трансляцию.

- Спасибо, - поблагодарил я и отключился.

Неприятное послевкусие – я здесь, а там, в Пекине, хитрая подружка «окучивает» мою Катюшку. Или это для женщин нормально? Ох не знаю. Ладно, до беды не дойдет, за моей невестой коллеги Фэй Го присматривают, а сама она ни за что не подставится под репутационный удар, потому что он заденет и меня. Всё, долой из головы, нужно настраиваться на игру!

Уимблдон – турнир с флером «традиционности», проходит под патронажем английской королевской семьи, поэтому регламент несколько отличается от других турниров, и это касается не только игроков, но и зрителей. Дресс-код есть для тех и других: для зрителей это «смарт-кэжуал», он же – «элегантный повседневный» стиль. Джинсам, майкам, шлёпанцам и спортивным костюмам здесь не рады. Для игроков – полная доминация белого, с разрешением небольших цветных вставок шириной не более сантиметра. Даже подошва обуви должна быть белой. И даже нижнее белье!

Вот здесь у меня возникла маленькая проблема. Да даже не «проблема», а без пяти минут курьёз: лично я был бы не против на время Уимблдона отказаться от своих «фирменных» красных трусов, потому что совсем не они являются источником моих побед, но тренер Ло с видом именинника за день до начала турнира приволок целую кипу упаковок «антовских» новинок: красные изнутри, белые снаружи. В таких весь турнир и провел.

Дальше – поведение: для теннисистов здесь за исключением необходимости поклониться королевской ложе в случае наличия там короля или королевы ничего нового, а вот зрителям строжайше запрещено шуметь и аплодировать ошибкам игроков – при подаче например – чтобы те не расстраивались. На нынешнем Уимблдоне приглашенной особой королевской крови выступает принц Уэльский, ему кланяться не надо.

Судья-на-вышке тоже работает с особенностями – обращаться и называть игроков следует не иначе как «мистер» и «мисс». «Миссис» для замужних дам, конечно. Последним заметным отличием является отсутствие спонсорской рекламы, чтобы баннеры не портили тради-

ционной атмосферы. В роли классического лакомства – клубника со сливками, ее по всей территории Уимблдона продают в огромных количествах. В среднем сжирается около двадцати восьми тонн ягод!

Переодеваясь, я словил легкую меланхолию. «Душат» меня, сволочи, и это я не про потешную Российскую внесистемную оппозицию, от потуг которой мне как ни крути ни холодно, ни жарко, а про тех теннисных функционеров, которые отвечают за составление сеток и посев. Чтобы добраться до финала, мне пришлось выиграть Вавринку, Надаля и Маррея, а вот мой сегодняшний соперник – Федерер – сквозь свою сетку прошел бронебойной пулей. К нему у меня никаких вопросов, а вот к старперам в пиджаках – очень даже.

Вздыхнув, я принялся зашнуровывать белые кроссовки с белыми шнурками и белыми подошвами. С другой стороны, это даже хорошо: пока я во всех смыслах потел и рвал обтянутое замаскированными трусами место, Роджер разваливал «мешков», которые нифига ему не конкуренты. Как следствие – расслабился (в такой ситуации не расслабиться невозможно будь ты хоть трижды профессионал) и недополучил драгоценный опыт. Ладно, нужно быть объективнее – в его сетке те еще «мешки». Марин Чилич, например. Или американец Изнер. Или... Короче – все не так однозначно.

За тем, что происходит в Российском инфополе я последнее время не слежу – нафиг, не до того, мне календарный Шлем вот-вот обломится, это как ни крути гораздо важнее «срачей» в Интернете, которые, в отличие от Уимблдона, могут ждать сколь угодно долго.

Белые напульсники скрыли запястья, белый козырек приготовился прятать глаза от палящего солнца, и я направился к выходу из раздевалки. Солнце в самом деле «палящее» - три дня назад оно нагрело Центральный корт до сорока двух градусов. Полная жесь, матч пришлось трижды останавливать, чтобы дать спортсменам возможность попить водички, «закинуться» сладостями и даже погрузиться в ледяную ванну, чтобы не вырубиться от перегрева и обезвоживания. Те еще лоси мы с коллегами на самом деле, даже не дву- а трехжильные: зрители, даром что им бегать и прыгать изо всех сил в такую дивную погоду не приходится, вырубаются регулярно, чтобы покинуть трибуны на носилках «скорой помощи». Сегодня почти осенняя погода – пиковая температура не поднимется выше тридцати девяти жалких градусов.

Не только у меня впереди финал, но и у Маши Шараповой – полагаю, целая неделя интенсивных тренировок со мной сказала, и она с минимальным, но все-таки преимуществом смогла выгрызть победу в полуфинале у страшной (в хорошем смысле, как похвала навыкам и «физухе») Серены Уильямс, которая до этого успешно обыграла свою старшую сестру, которая заслуженная считается одной из сильнейших теннисисток всех времен.

Ох и орала старшая Уильямс на младшую после поражения последней! Орала некрасиво, растеряв выработанный за годы карьеры ложный флёр спокойной, дружелюбной, гордящейся сестренкой «фифы». От расстройства у нее прорезался совершенно негритянский, достойный зланных переулков Бруклина, акцент, и видос с этой руганью дико развеселил весь спортивный мир. Развеселил, но без последствий для сестренок – если бы старшая наорала во время матча, тогда их обеих мог бы ждать «дисквал» вплоть до пожизненного, а так – ругайтесь на здоровье, девочки.

Марии предстоит битва с испанкой Гарбинье Мугурусой, а тренер Ло уже победил, подняв куш на полуфинале: в победу Шараповой, в отличие от него, букмекеры не верили. На финал Ло Канг ставить не решился под предлогом «и так перенервничал». Удачи Маше, а моя – всегда со мной!

Раскаленный воздух наполнил легкие, солнце обожгло открытые части тела, уши наполнились рёвом набившихся на финал зрителей. Забавный момент: индусы с китайцами не в ладах, а индийская диаспора в Англии исторически велика, поэтому смуглых «хейтеров» здесь у меня хоть отбавляй, а организаторы предусмотрительно рассадили индусов и китайцев в разные сектора. Отдельного упоминания заслуживает классическая делегация из Цинхуа во главе

с ректором, главной нашей Ассоциацией и даже целым членом Политбюро. Их сектору – отдельный, самый глубокий поклон и сердечная благодарность за то, что приехали меня поддержать, потому что чувствовать поддержку в трудные минуты в самом деле очень важно.

Рукопожатие, жеребьевка. Подавать выпало Роджеру, и он же будет наслаждаться бьющим в глаза солнышком. Недолго – сначала мы поменяемся, а к третьему сету солнышко взойдет в зенит, после чего сторона утратит свое значение до самого конца.

Покрылись потом мы с Федерером еще на коротком пути от раздевалки до корта. Цикличность, блин – потеешь, сохнешь из-за раскаленного солнца, потом опять потеешь. С первого же гейма начались игры в «больше-меньше», не закончившись до самого конца первого сета. 7-6 в пользу «мистера Вана». Второй сет тоже 7-6, но в пользу «мистера Федерера». Перед третьим организаторы милостиво даровали нам перерыв, который мы оба провели в ледяных ваннах, жадно глотая воду. Не на людях, хотя было бы забавно, если бы это происходило прямо на корте.

В третьем сете я допустил пару очень печальных ошибок, и в паре финальных его геймов даже не пришлось играть в «больше-меньше», хотя я очень старался до них добраться, заставив соперника потратить побольше сил и тем самым активировав мое поначалу не играющее роли преимущество в виде молодости и прилегающей к ней выносливости.

- Только посмей просрать календарный Шлем! – сквозь зубы прошипел мне тренер Ло во время смены сторон перед четвертым сетом.

- Не просру, тренер, - пообещал я.

Наши слова стопудово попали на трансляцию, но по сравнению с теми матюгами, которые порой выдают в минуты напряжения спортсмены, это еще ничего, и никто за грубые словечки не осудит.

За весь четвертый сет я ни разу не ошибся, зато сознательно слил пару мячей, чтобы «развести» Федерера на «больше-меньше». Отлично, Роджер замедлился, а значит наконец-то начал сдаваться усталости. 7-6 в пользу «мистера Вана» и еще один перерыв на холодную ванну и восстановление водно-солевого баланса в организме.

Когда мы занимали стороны, Федерер, как обычно, не упустил возможности меня подколоть:

- Спорим, твоя ванна меньше моей?

- Дядя Роджер, ну отдай хорошему мальчику сезонный Шлем, – не остался я в долгу.

- Попробуй забери! – отмахнулся он.

Так-то большая, блин, честь – очень редкий соперник Роджера удостоивается настолько регулярных подколок с его стороны, а у нас это уже почти традиция, которая веселит и прибавляет рейтинга нам обоим.

Уверенный в своей победе, я подал первый мяч решающего сета, и мы немножко поперестреливались кроссами, не спеша налегать – я, пусть и меньше, но тоже устал, и теперь мы оба заняты одним и тем же: пытаемся выяснить, сколько сил восстановил соперник после короткого перерыва. Спустя пятнадцать ударов, Федерер вклеил мне настолько качественный форхенд, что я невольно залюбовался изящной траекторией мяча, но отбить не успел не поэтому, а потому что тупо не успел.

Роджер салютнул мне ракеткой со своей стороны корта, я ответил уважительным поклоном, признавая величие его форхенда, и подал снова. Ненапряжный обмен кроссами завершился в мою сторону.

- 15-15!

Первый гейм мне удалось забрать без «больше-меньше», а Федереру пришлось довольствоваться двумя очками. Нет, не потому что «дядя Роджер» решил-таки «отдать» мне Шлем, а потому что тупо устал. Второй гейм тоже остался за мной, но уже после «больше-меньше»

длиной в пять розыгрышей. В третьем гейме я начал подозревать недоброе – соперник, словно поймав второе дыхание, вдруг резко ускорился, и после «больше-меньше» забрал гейм.

Тренер Ло схватился за голову, а я немного утратил самоконтроль: нашла, мать твою, коса на камень! Что, кто-то не в курсе моей «фирменной», блин, стратегии по изматыванию соперника с «розыгрышем» оставшихся запасов выносливости на финальной стадии?! Очевидно, что Федерер к этому и готовился. Уж не знаю, как он умудрился «зажильить» столько сил, но во второй половине прошлого сета он изображал усталость просто мастерски. На курсы актерские походил что ли?! Горящая во всех смыслах задница – очень плохой помощник, и благодаря ей я продул сет с чудовищным счетом 4-6 в пользу «мистера Федерера».

Высокие – а сейчас выше уже некуда! – ставки помощник ничуть не лучше, и судя по довольной ухмылке Федерера, он на это рассчитывал. За всю историю Большого тенниса сезонный Шлем «собирался» всего трижды: в 1938 это удалось Дональду Баджу (собственно на нем термин «Большой Шлем» и зародился), а потом – Роду Лейверу, в 1962 году. Он же повторил свой успех в 1969 году. От того, чтобы осуществить то, что не удавалось никому уже почти половину века, меня отделяет всего один жалкий сет. Федерер, в свою очередь, ОЧЕНЬ хочет меня обломать. Не из вредности, разумеется, а потому что спорт высоких достижений, мать его за ногу. Хочешь превратить дуэт «сезонников» в трио? Будь добр показать соответствие такой высоте.

В голове нарастала паника, гулко гоняя по черепу всего две мысли: «нужно взять себя в руки» и «не могу взять себя в руки», и первый из-за этого я слил вообще в сухую. На тренера Ло и «китайский» сектор трибун лучше не смотреть, потому что я и так знаю, что над ними висит метафорическое черное облако. Спасибо Уимблдону за жесткий регламент – сейчас бы мне пришлось еще и продираться через насмешливое улюлюканье индусов и белых. Последние-то за «своего» болеют, а не за узкоглазого меня.

Федерер, походу, и сам не ожидал, что получится настолько меня «разбалансировать», и его ухмылка стерлась, уступив место сочувствию. Хороший человек – оно, конечно, спорт высоких достижений, но я в его глазах пацан, который еще недавно смотрел на него щенячьими глазами. Это – первый мой полный сезон, и такой... даже «обидным» назвать будет мало! ... чудовищный «фэйл» в момент, когда до сезонного Шлема уже рукой подать может сломать меня так, что обратно уже и не соберусь.

Задело. Очень сильно задело – не «сухой» гейм, а вот это вот сочувствие на лице соперника. Ненависть к чужой жалости досталась мне от Ивана вместе с памятью – после травмы ему пришлось испытать ее очень много. Если я сейчас продую, никто не будет меня чмырить: напротив, все резко станут очень-очень добрыми, и, вооружившись метафорическими платочками, кинутся вытирать мне слезки. Вот они будут совсем не метафорическими.

- «Ты обязательно победишь в следующем году», - ультимативной оплеухой раздался в голове голос Кати.

- «Будь к себе справедлив: твоя карьера только началась. У тебя еще все впереди», - прилетела следующая оплеуха, от воображаемого тренера Ло.

- «Учитель, не грустите, давайте вместе готовиться к реваншу в следующем году», - а это «падаван».

- «Мы гордимся тобой, сын», - а это батя.

- «Не бывает всего и сразу», - прадед.

- «Прости, это я потратила нашу удачу на свою дурацкую лотерею», - «немая» оплеуха от бабушки Жуй.

- «Хреново, что проиграл, но ты посмотри – этот Уимблдон поставил рекорд по рейтингам!», - приложил меня воображаемый младший Хуэй.

- «Никто не может побеждать вечно», - а это уже я сам.

Хватит! Сжав зубы до боли в челюсти, я ощутил треск, боль во рту и выплюнул на корт кусочек зуба. Пробежавшись языком, порезал его об острую кромку правого резца. «Бывалый» у меня видок теперь будет!

Эта мысль меня развеселила, и «тряска» начала отступать.

- «Вечно только Дао», - раздался в голове безмятежный голос Дай Джинхэя. – «Тот, кто пытается слиться с ним целиком – глупец, но тот, кто не пытается, глуп вдвойне».

Роджер, сколь сильно бы мне не сочувствовал, ждать пока я наведу порядок во внутреннем мире не собирался и ударил по мячу, открыв этим второй гейм. Судя по скорости мячика, швейцарец решил поскорее прекратить мои мучения. Это задело меня еще сильнее – вкладываться в подачу на таком уровне и на такой стадии всё равно, что расписаться в зачислении соперника даже не в «мешки», а в «бомжи». Острый приступ гнева и презрения к себе – в одном шаге от ВОТ ТАКОЙ победы расклеился, ну не слабак ли? – словно разряд молнии выжег в голове все эмоции, и я почувствовал то, что дарует своим адептам попытка соприкоснуться с бледной тенью Дао – пустоту и покой. Сомнения, жара, усталость – все это испарилось так, словно ничего и не было.

В пару мощных прыжков добравшись до мяча, я отправил в соперника «подкрученный» форхэнд. Роджер, уверившись в моем «сломе», позволил себе расслабиться, за что и поплатился:

- 0-15!

Широко улыбнувшись и почти физически ощущая, как камеры жадно ловят крупные планы щели в моих зубах, я махнул сопернику ракеткой, пригласив поиграть как следует еще немного.

Ухмылка стремительно вернулась на рожу Федерера, и он кивнул – вызов принят! – и подал нормально, давая понять, что больше на скорое завершение матча не рассчитывает.

Такого тенниса Уимблдон не видел уже очень давно: мы расчехлили полные арсеналы своих приемов, словно «запитались» на сам Космос, черпая прямо оттуда выносливость, совершали потрясающей длины прыжки, били по мячу из невообразимых углов, ставили рекорды по забегам на супер короткие дистанции... Это – уже история. Это – наше наследие, ракетками и мячом выбитое в исполинском золотом слитке. Это – матч, который будут пересматривать десятилетиями. Матч, который попадет во все «ретроспективные» видосы, и маленькие любители тенниса веке этак в двадцать втором будут пищать от восторга в каком-нибудь девайсе «виртуальной реальности», получив возможность посмотреть матч так, словно они прямо здесь, в первом ряду, а то и вовсе «от первого лица», заняв мою или Роджера «шкурку» и попытавшись изменить или повторить итог матча. Даже завидую, блин!

- Мистер Ван – больше!

Близость к победе всего в один мячик заставила руки вновь задрожать, и Федерер моментально наказал меня за жадность.

- Ровно!

Из короткого момента перед новой подачей я попытался выжать каждую миллисекунду, споро вычистив из головы все лишнее. Не успел.

- Мистер Федерер – больше!

Как говорят в России – «один прогиб и ты погиб». Сейчас как никогда кстати пришелся бы «флешбек с учителем», как в классических фильмах о боевых искусствах. Тренер Ло, ну скажи че-нибудь дельное, хренов ты долларовый миллионер! Нет, смотреть я на тебя не буду, потому что рожка у тебя сейчас явно еще хуже моей – ты прямо в голову приди и скажи!

Подбросив мяч и врезав по нему ракеткой, дитя альпийских лугов ломанулся к сетке. Риск велик, но с преимуществом в одно очко Роджер может себе это позволить. Для него на самом деле ставки тоже очень высоки – не только испытать меня, подтвердив или опровергнув мое право на сезонный Шлем, но и банально «сбить» мой затянувшийся винстрик.

Внезапно на мой отчаянный призыв «флешбека» ответила Мария Юрьевна Шарапова:

- «И как я раньше без этого твоего су-вида жила»?

- Это не то!!! – обиженный в лучших чувствах, возмущенно заорал я во все горло, и по высокой дуге отправил мяч обратно в соперника, наказав его за авантюризм: нужно было выбегать к сетке после пары ударов, а не сразу.

- Ровно!

Роджер пожал плечами – «не получилось и фиг с ним» - и приготовился отбивать мою подачу. Обмен кроссами длиной в четыре «раунда», и Федерер снова побежал к сетке. Траектория мячика не позволила мне повторить «дугу», поэтому я отбил бэкхендом и тоже ломанулся к сетке. Лево или право, лево или право? Ага, «спалился» движением ступни – влево!

- Мистер Ван – больше!

Не смей радоваться! Не смей расслабляться! И не в коем случае не думать о победе – есть только подающий мяч соперник, корт, сетка и я! Обмен академическими ударами на седьмом «раунде» я перевел в веселую игру «кто из нас сильнее занизит траекторию мячика». Сантиметр над сеткой, 0,9 сантиметра, 0,8, 0,7, 0,6, 0,5, 0,4, а теперь ломаем шаблон, отправив мяч по вызывающей у соперника обильное слюноотделение от желания смачно «срезать» траектории. Давайте, ноги, не подведите – недаром же я «Кузнечик»!

Роджер не подвел, смачно впечатав мяч в мою сторону корта. Моему прыжку позавидовал бы самый талантливый негр из «NBA». Встретившая мяч верхней кромкой, зажата в вытянутой вверх до предела руке ракетка послала в усталую конечность возмущенный разряд вибрации, и миллиарды (потому что один только Китай смотрит матч в полном составе, а это уже полтора миллиарда!) зрителей и два игрока замороженно проводили мяч взглядом. Ладно, «замороженно» только один игрок, а второй в отчаянном рывке попытался достать до снаряда. Не выйдет!

- Да-а-а!!! – взревел я еще до того, как судья-на-вышке успел среагировать на безобидно пролетевшую мимо мяча ракетку Федерера, закрыл лицо руками и опустил на корточки, чувствуя как слезы разбавляют пот на моих щеках и ладонях.

- Нарушение! – вместо ожидаемого подтверждения моей победы услышал я голос судьи-на-вышке.

Что-о-о?!!

Глава 5

- Да мне как-то все равно, - пожал я плечами, глядя на репортера-соотечественника так, чтобы «китайская» камера хорошо видела мою безмятежную улыбку.

Лицо держу, причем в чудовищно неприятной ситуации – Родина это оценит.

- Но у вас украли победу, - попросил более развернутый ответ журналист.

- Да не, - отмахнулся я. – Как можно украсть победу, которую видел весь мир? Мы с мистером Федерером показали великолепное шоу, которое, смею надеяться, сочтут достойной сохранения в истории Большого тенниса.

- Такого финала Уимблдон не видел очень давно, если вообще когда-то видел, - подтвердил стоящий рядом Роджер.

Он не азиат, и ему скромность изображать не надо.

- Спасибо что вписался, кстати, - поблагодарил я его.

Едва прозвучало «нарушение», Федерер пошел орать на судью, потому что с точки зрения правил все было на сто процентов чисто.

- Я удивлен, что ты настолько спокоен, - признался он. – Если бы мне засрали такой триумф, я даже не знаю, что сделал бы.

- Вообще плевать, - фыркнул я.

- Еще и трусы твои на весь мир показали! – гоготнул Роджер.

- Трусами от «Анта» похвастаться не стыдно! – хохотнул я. – Я даже вижу в этом некоторый плюс – сколько людей могут похвастаться тем, что на их трусы взирал целый наследник британского престола?

Журналисты и Федерер покатались со смеху.

Проблема пришла, так сказать, откуда не ждали – когда я присел на корточки, из-под шорт выглянула кромка трусов. «Закатавшаяся», то есть показавшаяся камерам и организаторам красной стороной – это судья и посчитал нарушением. Даже злиться на этот идиотизм не могу. Сейчас придурки совещаются, считать ли нарушением красную изнанку трусов, а если нет, то считать ли таковым мелькнувшую из-под шорт красную полоску? Мое пропотевшее до состояния мокрой тряпки исподнее у меня изъяли на «экспертизу» прямо на корте, за принесенной специально для этого ширмой, куда кроме меня зашли судья-с-вышки, двое организаторов и лично товарищ из Политбюро. Проследить, чтобы меня не обижали.

Совет директоров «Анты», полагаю, сейчас затыкает в офисе все щели, чтобы наполнить его шампанским и как следует поплавать – на такую рекламу они не рассчитывали в самых смелых фантазиях.

Подождав, пока восстановится тишина, я продолжил:

- А вообще, если говорить серьезно, я в высшей степени разочарован. Совсем не так я представлял себе вершину мира Большого тенниса, когда мечтал сюда попасть. С каждым турниром я все больше скучаю по прошлому году. По первым своим турнирам. Тогда я на последние деньги купил право участвовать в ITF, купил самую дешевую ракетку, самую дешевую форму, а потом долго искал в дискаунтерах хоть сколько-то пригодную обувь. Заметьте, никто мне про такой никчемный инвентарь и слова не сказал – всё, что было важно тогда, это победа или поражение. Это был чистейший спорт: неважно, кто ты и откуда. Неважно, как ты одет и какая у тебя ракетка. Главное – то, на что ты способен. Главное – победа.

- Твою мать! – завороченно выдохнул Федерер. – Я сейчас заплачу от зависти. Может мне начать карьеру с нуля, через ITFы?

Ему такого опыта пережить не довелось, потому что он шел стандартным путем, получив ракетку в детскую еще ручонку.

- Пожалей новичков, монстр! – хохотнул я. – Откуда в тебе столько сил, кстати?

- Просто представил родные горы, - ухмыльнулся он. – Хочешь в гости? Лыж не обещаю, но скучно не будет.

- С радостью, - улыбнулся я. – Но взамен тебе придется съездить в Сычуань. У нас тоже очень красиво.

- Без проблем, - улыбнулся в ответ Роджер.

- Ну так вот, - вернулся я к прошлой теме. – Я в полной мере осознаю важность традиций, и с уважением отношусь не только к нашим, китайским, но вообще ко всем. У русских есть прекрасная поговорка – «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». То есть – если ты пришел в гости в чужой дом или чужую страну, нужно жить по установленным там правилам. Уимблдон имеет длинную и славную историю. Имеет свои выработанные десятилетиями особенности и правила, которые я добросовестно старался соблюдать. Но вот эта клоунада – другого слова я подобрать не могу – с показом моих трусов всему миру... - вздохнув, я покачал головой. – Это разве достойно главного турнира одного из благороднейших видов спорта? Я не в праве давать советов, но высказать свое, сугубо личное мнение, могу. Может вместо того, чтобы трясти моими пропотевшими трусами перед глазами миллиардов людей, стоило немного подумать о спортсменах? Зачем проводить турнир в самые жаркие дни местного лета? Да тут не то что спортсмены, тут зрители в обморок падают! Да, в какой-то степени это можно обосновать таким ультимативным испытанием на выносливость, но чем можно обосновать ту клоунаду, что происходит сейчас? Возьму на себя смелость предположить, что для уважаемых организаторов цвет изнанки трусов гораздо важнее всего остального. Я люблю спорт, и эту любовь не смогут убить даже такие ситуации как сегодня, но мне очень грустно наблюдать, в какой абсурд он порой скатывается.

- Что вы будете делать, если вас дисквалифицируют? – спросил журналист.

- Вернусь домой и отпраздную свою победу, конечно, - с улыбкой пожал я плечами.

Поднебесная в любом случае встретит меня как сошедшее с небес божество, и пусть сохнет от бессильной злобы тот, кто посчитает меня недостойным этого.

- А вы, мистер Федерер? – спросил журналист одобрительно показывающего мне большой палец Роджера.

- А я не стану пачкать руки незаслуженным кубком и приложу все свои силы, чтобы дисквалификацию отменили, - заявил он единственно возможное в этой ситуации.

- Спасибо, - поблагодарил я.

- На твоём месте мог быть любой из нас, - отмахнулся он.

- Пойду в раздевалку, - заявил я журналистам. – Не очень-то удобно в шортах на голое тело стоять – задница чешется.

И под громкий смех журналистов я с легкой душой пошел переодеваться. Как говорят в русском интернете – анус себе дисквалифицируй, пёс.

Сидеть в холодной ванне было очень приятно. Приятно было и трескать клубнику, но не настолько: едал я ягоду и повкуснее. Уимблдону бы поставщиков сменить или хотя бы заставить их завозить клубнику послаще, но, во-первых, ее поди какой-нибудь граф уже лет семьдесят возит, а во-вторых – «пипл схавает» и так.

Ванна на Уимблдоне специальная – квадратная и высокая, по плечи. «Затачивалась», как и львиная доля всего в этом мире, под людей среднего (в данном случае – средневысокого, потому что спортсмены) роста, и я в ней долго сидеть не могу: скрещенные, нормально не помещающиеся ноги затекают.

Слева, у стены, сидел тренер Ло. «Второй папа» обиделся на «клоунаду» гораздо сильнее меня. Я бы даже сказал, что он кипит от гнева, и поэтому попросил принести себе большую упаковку деревянных палочек, которые принялся ломать по одной со способным вызвать зависть у любого метронома ритмом. Хрусть. Хрусть. Хрусть.

Справа, у стены противоположной, сидел дедушка Дай Джинхэй, столь же монотонно рассуждая о своих любимых кабачках – сколько и каких семян купил, на какой урожай рассчитывает и так далее. Успокаивает покруче крепко сдобренного валерьянкой чая с ромашкой!

Там, на корте, эпицентр грандиозной «тряски», резонанс от которой подобно кругам на воде расходитя по всей планете, а у нас здесь тишина и покой. Даже в самый чудовищный шторм в глубине царит спокойствие.

В дверь постучали, и стоящий «на часах» Фэй Го выглянул, после чего с поклоном запустил к нам члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и негласно признанного третьим в иерархии Поднебесной после товарища Кси и премьер-министра Госсовета КНР Чжана Дэцзяна. Поклонились ему и парочка «вторичных» охранников, и конечно тренер Ло, отложивший ради такого дела свои палочки. Ну а ниже всего поклонился сотрудник Ло Канга, который держал мусорное ведро – в него тренер выбрасывал сломанные палочки. Мне бы такую работу, блин – это ж натуральный тунейдец!

- Простите за мой неподобающий вид, уважаемый господин Председатель, - сразу же заявил я, специально обратившись к Чжану по второй, созвучной занимаемой Си Цзиньпином, должности.

Подхалимаж, да, а че такого? Третий дядька в полуторамиллиардной стране, с таким дружить велело само Небо.

- Ничего, - милостиво простил он меня. – Ты заслужил отдых. Как ты? – оказал честь, задав личный вопрос.

- С каждой секундой все лучше и лучше, - улыбнулся я. – Хотите клубнички?

- Спасибо, я сыт, - со снисходительной улыбкой поблагодарил хорошего мальчика третий человек в стране. – Значимость твоей победы переоценить невозможно. Ты навсегда вписал свое имя и Поднебесную в историю тенниса. Вне зависимости от решения этих кретинных, тщетно попытавшихся нас опозорить и оскорбивших взор миллиардов людей показом недостойного предмета, - кивнул на дверь, имея ввиду организаторов. – Китай признаёт твою победу, и мы приложим все силы, чтобы оспорить дисквалификацию в случае, если они посмеют.

- Спасибо, уважаемый господин Председатель, - плюхнув водичкой, отвесил я «сидячий» благодарный поклон. – Весь мир видел мою победу, но признание Поднебесной – величайшая награда для меня.

- И ты ее достоин! – одобрил мой ответ Чжан Дэцзян. – Я лично поручу Министерству культуры провести конкурс среди лучших наших скульпторов на твой памятник в Ченгду.

Фига себе! Вот это уже запредельно круто: искусство скульптуры в Китае одно из самых почитаемых. Во многом «по инерции», впрочем – в наши времена не обязательно уподобляться древним авторам условной Терракотовой армии и годами вгрызаться зубилом в глыбу, кропотливо «высвобождая ее истинную сущность из каменного плена». Тем не менее, размер понта вполне соответствует сезонному Шлему.

- Это невероятная честь для меня! – склонил я голову, почти уткнувшись носом в воду.

- Ты заслужил ее как никто другой! – заверил меня Чжан Дэцзян. – Отдыхай со спокойной душой, мы обо всем позаботимся.

- Спасибо, уважаемый господин Председатель, - поблагодарил я его уходящую из раздевалки спину.

- Скульптура – это прекрасно, - минорным тоном поделился тренер Ло и хрустнул очередной палочкой. – А слова уважаемого Председателя об оскорблении взора уважаемых людей твоими пропотевшими трусами еще прекраснее, - хрусть. - Полагаю, в недалеком будущем мы вдоволь насладимся созерцанием череды о-о-очень долгих судебных процессов, - хрусть.

- Неизбежно, - согласился я с Ло Кангом.

Хрусть.

- Катя звонит, - подал голос сидящий у противоположной стенки Гуай Бо, которому я доверил подержать телефон.

- Спасибо, - протянул я руку.

Полирнув мои мокрые руки и половину лица полотенцем, Гуай Бо вручил мне телефон.

- Что там у вас происходит? – сразу взяла быка за рога Катюша. – По телевизору ничего не понятно – какая-то техническая пауза, в Интернете вообще пишут, что тебя то ли покалечили, то ли вообще убили! Кампус на ушах стоит, дым столбом – английские флаги жгут. У нас что, война начинается?!

На лицо невольно выползла улыбка. Волнуется за меня Катюшка. Не за победы мои, не за деньги и статус, а вот чисто конкретно за меня, как наделенный разумом и душой биологический организм, радикально отличаясь этим от других.

Вот тренер Ло сидит. Мужик нормальный, но я для него говорящий счастливый билет на экспресс к признанию и богатству. Не станет меня, тренер конечно погорюет об утраченных перспективах, но рыдать как по героической собачке точно не будет.

Или дед-иглоукальватель – этот вообще не заметит, что объект приложения его навыков изменился с Вана на какого-нибудь Ляо. Или Фэй Го – он с высоты своей профессиональной деформации пожмет плечами, может быть даже на похороны мои придет, а потом спокойно отправится охранять кого-то другого.

Про партийных дедов и говорить смысла нет: я для них просто кусок говорящего, полезного мяса. Приносишь Китаю победы? Молодец, держи памятник, бабло и почет. Нет? Сам виноват, прощай.

И нет, это не из-за того, что китайцы такие плохие – разве в остальном мире иначе? Даже в рамках одной семьи-то далеко не всегда имеется безусловное доверие, любовь и поддержка, что уж говорить о людях, которых свела друг с дружкой работа?

А вот Катя... Катя – совсем другое дело.

- Да все нормально, - ответил я. – Просто на ровном месте клоунаду развели – у меня трусы...

Я коротко объяснил ситуацию, и девушка, озадаченно помолчав с полминуты, исчерпывающе передала суть происходящего:

- Они что, совсем там?!

- Совсем, - подтвердил я. – Ничего, сейчас риски моей дисквалификации оценят, и я спокойно получу свой кубок. Завтра дома буду. Очень по тебе соскучился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.